

Жене Анне посвящается

Глава 1

ЛОХОВ НИКТО НЕ ЛЮБИТ

Июнь 1991 г., Черноморское побережье братской страны народной демократии. Город Карна

После тёплой летней ночи «русский» рынок оживал постепенно, будто грузчик, после тяжелого похмелья с трудом отходящий от короткого, не давшего отдохновения сна. Первыми к торговым рядам сразу после рассвета потянулись местные — так туристы в отелях торопятся занять шезлонги у бассейна или стеллажи на пляже. Нужно успеть хоть полотенце положить, чтобы застолбить место, потому что после завтрака здесь яблоку будет негде упасть. Правда, именнные столбы на Золотом Берегу не в таком почете и уважении, как были на золотоносном Клондайке: и полотенца выбросят на фиг, да и в физиономию могут захватить запросто: а как вы думали наслаждаться морским отдыхом — без очередей и мордобоя, что ли?!

На пляже золотых самородков не водится, а полосатый шезлонг не та ценность, которую охраняет шериф с шестизарядным кольцом, или лихие ребята из «Комитета бдительных» с веревкой и судом Линча, учиняемым по ночам для тех, кто не понимает абстрактного права собственности и не верит в невидимую силу бумажного закона. Говорят, что скандалы на пляжах Золотого Берега, устраивают, в ос-

новном, русские, хотя на «русском» рынке именно они наводят порядок. Если, конечно, происходящее можно считать порядком, с чем многие местные не согласны.

Раньше, до того как рынок облюбовали «братушки», торговые ряды ломились от всяких вкусностей. Томаты, которые особенно хороши в это время, хрустящие огурчики, цветная капуста, перец сладкий и острый, спелые персики, ароматные абрикосы и дыни, румяные македонские яблоки, всевозможная зелень — петрушка, кинза, укроп, базилик и множество других кулинарных трав, источающих пьянящий аромат. По соседству располагались брынза, сметана, творог. За ними шли ряды копчёного сала и домашних колбас...

Но всё это съестное изобилие осталось в прошлом. Вначале за «колхозанами», к рынку потянулись русские из местных, давно осевших на этой гостеприимной земле. Они принялись раскладывать на прилавках новый товар — скупленные у соотечественников-туристов электротовары и инструменты: электрические бритвы, утюги, плойки, радиоприемники, электродрели, «болгарки», пылесосы. Среди предложений были предметы и покрупней: телевизоры, стиральные машины, холодильники, лодочные моторы. Их на прилавках, конечно, не выставишь, только фотографии. Но сам товар рядом, в приспособленных под склады морских контейнерах. Его можно посмотреть и потрогать. А хромой, шуплый, похожий на цыгана, с острым взглядом тёмных глаз Петруха, если нужно, доставит всё купленное прямо к дому на видавших виды «Жигулях» третьей модели с прицепом. Даже за город, куда угодно, только плати.

Сюда стали приезжать и автобусы с туристами, сдающими товар оптом, в фанерной будке по центру обосновались двое менял с виднеющимися из-под коротких рукавов пёстрых рубашек татуировками, тетя Маша неподалеку продавала вареную картошечку, дядя Петя — самодельное вино, Керим жарил замечательные шашлыки. Рынок раз-

вивался, менял профиль и национальность, увеличивал число услуг и множил удобства для посетителей.

Постепенно русские вытеснили местных, оставив им лишь небольшой участок в несколько рядов. Некоторые старожилы тоже стали торговать электротехникой, некоторые переехали на новый продуктовый рынок. Здесь же остались лишь те, кто жил рядом, и уступать насиженное место не собирався — так и торговал сельхозпродукцией. Никто их не выживал, и даже «за охрану» брали по-божески. В конечном счете, для них изменения оказались выгодными: конкуренция уменьшилась, а русских туристов, желающих купить свежие, выращенные на своих огородах экологически чистые овощи и фрукты — заметно прибавилось.

Новые условия требовали и новой организации: на рынке появились крепкие и решительные быстроглазые парни, которыми командовал широкоплечий Ворон, судя по перебитому носу и деформированным ушам — из спортсменов-рукопашников. Сам Ворон называл свою команду «центурионами» — он любил щеголять непонятными словами, подчиненные представлялись более понятно — «охранниками».

Ну, центурионы — так центурионы, охранники — так охранники: все понимали, что это бандиты, а Ворон их бригадир. Ну, и что? Главное, что всякая шантрапа: пьянь, воры, хулиганы и попрошайки, — с рынка мгновенно исчезли. И правила все соблюдают — упаси Бог согнать торговца с законного места, или забрать товар без оплаты, или потребовать деньги «за крышу»... Центурионы живо поставят наглцов на место, да еще хорошо, если они на этом месте стоять на своих ногах смогут!

Говорят, у Ворона всё схвачено, даже среди местных полицейских. И действительно — все вопросы он реально решает, а спорные ситуации легко разругивает. Потому Ворона уважают. Вот он, чуть враскачку, идет вдоль глав-

ного ряда, с аппетитом жует жирный тети-Машин беляш, начинённый свиным фаршем, отставляя руку, чтобы не запачкать синий фирменный спортивный костюм «Адидас» и одноименные белые кроссовки. Синяя бейсболка с белой надписью FBI¹ и квадратные роговые очки с зелеными стеклами довершают его наряд и позволяют видеть мир гораздо ярче и красивее, чем он есть на самом деле.

— Здравствуй начальник! Чего не подождал пять минут? — белозубо улыбается колдующий над мангалом аварец Керим. Аромат жареного на дровах мяса уже разносится по округе. — Зачем жирную свинью ешь? Зачем всухомятку живот набиваешь?

— И твоей свежатинки бараньей попробуем! — говорит Коряга — заместитель Ворона. Он чуть пониже, но шире в плечах, и идет не рядом с боссом, а из почтительности отстает на полшага, копируя его походку — вразвалочку, как у матроса. Прозвище полностью соответствует его внешности — тоже крепкий, мускулистый, и одет так же, только выглядит, словно плохо выполненный двойник шефа — несуразная фигура, грубо вырезанная из твердого дерева. Будто Ворона изготовил мастер, а Корягу — подмастерье. И идут они по-разному: Ворон, словно доброжелательный хозяин обходит свои владения, чтобы наладить хозяйство, помочь если надо... А Коряга, как вертухай зону топчет, страх нагоняет, свою власть показывает... И еще есть разница — если с Вороном здороваются приветливо и от души, то с Корягой опасливо, вроде, как по обязанности.

— Как идет торговля, Толян? — Ворон останавливается у лотка с автозапчастями.

Шустрый худощавый парень пожимает плечами.

— Да ведь только третий день с этим товаром работаем, Костя. Вот, ждем автобусов. Сегодня станет ясно, я так думаю...

¹ Федеральное Бюро расследований.

— Ну, ну, работай! — Ворон доел беляш, аккуратно вытер губы и руки бумажной салфеткой и, не найдя взглядом урну, бросил ее в мангал Керима. Тех, кто мусорит, он не любил.

Ворон доволен: бизнес расширяется. Теперь запчасти для машин здесь тоже можно купить, и антифриз, и моеющее масло... Много чего можно. Можно и спиртное: русскую водку, армянский коньяк... Если дальше так пойдет, то можно и дурь запустить... Но это надо со всеми согласовать, и с Питом в первую очередь...

Ворон подошел к менялам в пестрых рубашках, татуировки у них не уголовные — армейские: у одного — пограничный столб, у другого — якорь. И погоняла армейские: Погранец и Морпех. Они были поумней других, и держались обособленно: то ли сами не хотели сливаться с остальными, а может, общая масса отторгала их, как инородные тела. За силу и решительность их побаивались, но не особо уважали, и за глаза называли «вояками».

— Как дела, пацаны?

Вояки усмеваются.

— Нормально. Наши туристы рубли на левы меняют, доллары мало берут — статьи боятся... А местные, в основном, доллары хватают. Соответственно и курс устанавливаем... Они кряхтят, да деваться-то некуда: зато у нас безопасно, да и тайна вклада гарантируется.

— Ну, ладно, работайте! — кивает Ворон.

— Да не церемоньтесь с ними! — вмешивается Коряга. — Лохов надо обирать по полной!

— Это кто тебя научил? — вдруг резко поворачивается к помощнику Ворон.

— А это... Чего я такого сказал? — смешался Коряга. Чем-то реакция босса его насторожила, а может, даже, напугала.

— Ничего. Просто интересно: где ты эту фразочку слышал? — Тон у Ворона спокойный, только лицо напряглось, даже кожа на скулах натянулась, а это был плохой знак.

— Да чего я слышал?! Ничего нигде не слышал! Что в голову пришло, то и сказал...

— Ну, скажи еще что-нибудь, — не отставал Ворон.

— Что сказать-то? Чо-то я тебя не пойму, Костян!

— Что в голову придет, то и скажи.

— Да мне щас ничего и не приходит... Ведь бывает так — пустая башка, как назло!

— Она у тебя всегда пустая, — с трудом сдерживаясь, говорит Ворон, пронзительно глядя в глаза своему заметителю. — Сам ты только три вещи придумать можешь: что пожрать, с кого бабло сорвать, да какую бабу трахнуть! Афоризмы тебе придумывать не дано!

— Ты чего, Ворон, докопался? — начал заводиться Коряга. — Я вообще не знаю, о чем ты трешь! Если предъявляешь — так хоть объясни! Какой аферизм?!

— Афоризм — это фраза такая умная. Один ее придумает, а все другие повторяют!

— Да ты меня заколебал своими умными фразами! — Коряга повысил голос. — Я, что ли, чего-то не того придумал?!

— Я уже сказал: ты ничего, кроме жратвы, бабла и баб придумать не можешь. Только вот какая штука получается. — Ворон надвинулся вплотную, навис, будто сверху, хотя ростом они были почти одинаковы.

— Это херсонские всегда говорят: «Лохов надо трусить!» А ты повторяешь! Значит, ты с ними трешься? Мадьяр такую фишку придумал, вот она тебе в голову и влетела! А я совсем по-другому говорю! Я говорю: «Лохов надо любить! Это овечки, которых мы стрижем...» Только то, что говорю я, тебе в голову, почему-то не влетает! Может, ты с Богданом чаще базаришь, чем со мной?!

Богдан Хряпко по прозвищу Мадьяр был старшим херсонских. Лицо Коряги посерело, это было заметно даже сквозь загар.

— Да ты че, Ворон?! Ты во мне крысу увидел?! Из-за чего?! Из-за каких-то сраных слов?! Кто-то что-то сказал,

а вышло — я уже херсонским проданся?! Ну, вали меня, прямо здесь вали! — Он распахнул расстегнутую до пояса куртку — потное мускулистое тело трясло, как в лихорадке, лицо исказилось, на губах выступила пена.

Ворон наконец отвел пронзительный взгляд.

— Ладно, проехали. Только всегда думай и делай, как я, а не Мадьяр!

Коряга с облегчением перевел дух и стал многословно оправдываться, но Ворон уже не слушал — он продолжил свой обычный утренний обход и не обращал внимания на плетущегося сзади заместителя.

Солнце поднималось и начинало припекать. Они спрятались под хлипкий штабной навес. Ничего «штабного», кроме центрального расположения и тусующихся здесь руководителей в нем не было. Коряга снял спортивную куртку и сидел по пояс голым, демонстрируя свои вроде как тюремные татуировки, в которой опытный зек отыскал бы несколько недопустимых огрехов и потребовал бы их «обосновать». Неизвестно, чем бы такая заварушка закончилась, хотя Коряга клялся зубом, что всегда жил по понятиям и срок отмотал честно, «от звонка до звонка». Вряд ли он сам в это верил.

Торговля шла пока не слишком бойко, но постепенно рынок наполнялся и набирал силу. Ворон наблюдал за происходящим со стороны, сидя на лавке. Он снял кроссовки, поставил босые ноги на теплую землю. Запах от мангала Керима наполнил свежий утренний воздух и будоражил первобытные инстинкты. Уже хотелось есть, но Ворон не должен был подавать примеры расслабления. Напротив, он следил за происходящим, выслушивал сообщения информаторов и давал поручения сидящим рядом двум дежурным бойцам — Шурупу и Молдавану. Вовка Шуруп — светловолосый парень в длинных клетчатых шортах и лёгкой, почти прозрачной рубашке, сквозь которую просвечивал атлетический торс, внимательно смотрел по сторонам. Жгучий

брюнет Молдаван, с широкими лохматыми бровями, был тоже в пляжном наряде и старательно выставлял лицо на солнце — загорал.

Ничего особенного пока не происходило, только старый Радан, надвинув на глаза белую кепку, проковылял мимо с видом киношного резидента и шепнул, что по рядам опять ходили незнакомые парни, спрашивали, как идет торговля, какие держат цены и сколько отстегивают «крыше», то есть Ворону и его людям. Ворон послал дежурных разобраться с чужаками, но те вернулись ни с чем — сказали: «не нашли». А может, не захотели найти. Работать приходится с быдлом и Ворон только сплюнул, но ничего не сказал. Шпионы действительно могли раствориться в толпе, или уже уйти.

Время тянулось медленно, воздух постепенно раскалялся, хотелось высосать бутылку холодного пива и нырнуть в море. Но работа есть работа.

Наконец прибыл первый «Икарус» с туристами — им, в порядке исключения, разрешают заехать на территорию. Торговцы сразу оживились, принялись зазывать покупателей, расхваливая свой товар одновременно на двух языках. Переводчики не требовались — все здесь братья-славяне, как-никак, понять друг друга несложно...

Водитель автобуса открыл багажные отсеки, и говорливые крепкие тетки, да несколько не богатырского вида мужчин принялись вытаскивать тяжелые сумки.

— Кофемолки есть, электробритвы, — одновременно рекламировали они свой товар.

— А у меня дрель, паяльники...

И тут же рядом нарисовался Стасик — молодой человек интеллигентного вида, в круглых нелепых очках.

— Здравствуйте, дамочки, — приветливо поздоровался он. — Хотите сразу сдать, чтобы тут на жаре не париться? Лучше достопримечательности посмотреть, в море покупаться...

Стасик доброжелательно улыбается, одним своим видом он внушает доверие. Его прозвище Товаровед, и свое дело он знает, потому что учится на третьем курсе института торговли.

— Кофеварка пригодится, и кофемолки хорошо уходят. — Он быстро осматривает выложенный товар, откладывая в сторону приглянувшиеся вещи.

— Вот за это восемьдесят левов...

— Как восемьдесят? — возмущается дородная немолодая женщина. — Да за одну кофемолку шестьдесят давали!

— Извините, конъюктура все время меняется, — сокрушенно разводит руками Стасик. — Меньше привезли товара — цена выше, больше — ниже... Хотите, можете на центральном рынке попробовать, там тоже по-русски понимают...

Ворон издали наблюдал за привычной, отработанной процедурой. Товаровед круто резал цены, и желающих отдать товар оптом не находилось.

— Да что мы, зря на себе такую тяжесть тасили, от таможенников прятали?! — не успокаивается дородная торговка. — Чтобы задарма отдать?! Лучше я постою, да возьму свою цену!

— Извините, земляки, может, так и будет лучше, — раскланивается Товаровед и быстро уходит. Он очень не любит последующих сцен.

Деловито посоветовавшись, туристы, подстелив газеты, разложили товар прямо на земле. Но через несколько минут к ним подошли стриженные наголо Чалый и Сява в майках, шортах, соломенных шляпах с загнутыми «по-ковбойски» полями, и в шлепанцах на босу ногу. На голых шарообразных бицепсах повязаны красные повязки.

— Так, внимание, мы контролеры рынка, — говорит Чалый. — Предъявляйте личные документы и справки таможенников на товары!

— Какие документы? Какие справки? — испуганно пищат советские туристы, которые испокон веку боятся всего, особенно в чужой стране.